

Алексей Котов

Записки
церковного
сторожа

Алексей Николаевич Котов

Записки церковного сторожа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25204301

Аннотация

Автор пятнадцать лет проработал церковным сторожем и ему есть о чем рассказать. Впрочем, это рассказ только об одном дне и странной переполюсовке сознания на грани верия и неверия. Вторая часть книги – цикл статей под общим названием "Формула таланта" – посвящена истокам человечности внутри нас.

Записки церковного сторожа

01. Страж. Утро.

Кто – я?..

Я – все и ничего.

Я разделен на «все»

и «ничего» спервоначала —

я тот, кто уплывал

и тот, кто на причале

встречал себя же самого.

... Пол-пятого в январе не утро, а торжествующая ночь. В моих руках широкая «снежная» лопата и замок, и поэтому мне приходится толкать высокую, заиндевелую дверь храма плечом. Дверь издает тяжелый лиственный грохот, медленно открывается и угрюмый железный звук сливается с беззвучной метелью. Уже через секунду он бесследно растворяется в первозданном хаосе черно-белого, меня обнимает ночь и кружащийся снег.

«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного!»

Я еще не надел перчатки и замок в руках мгновенно теряет теплоту. Такое ощущение, что я держу в руках кусок льда. Теплая молитва гаснет как свеча на ветру.

Продаваю дужки замка в дверные проушины. Ключ... Вот дьявольщина! Не поворачивается. Холод железа жжет пальцы и просачивается до костей. Рывками дергаю ключ: ну, ну же!.. В спину хлещет метель. Возле самого кончика носа, как стена, черная дверь. Я чувствую ее ледяной, железный запах. Ключ неохотно поддается, но только наполовину. Господи, не успел выйти, а уже проблемы. Я трясую замок. Давай-давай, а то убью!.. Ключ, наконец-то, поворачивается до упора.

Оглядываюсь... Ну и намело! Два десятка порошков уходят вниз, к земле, и их почти не видно под сплошным, похожим на скомканное одеяло, сугробом.

Сильно тошнит... Вчера вечером мне не нужно было пить аспирин, но снова поднялась температура. Рот заполняет слюна, я торопливо глотаю ее, но спазм снова сжимает желудок. В храме тошноты не было. Наверное, проблема не только в том, что я плохо переношу аспирин, даже не в простуде, а еще и в холоде.

«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного...»

Молитва словно долетает до меня оттуда, из-за двери теплого храма, к которому я стою спиной. А здесь, на порожках, только отчуждение, ночь и холод... Метель швыряет в лицо очередную горсть колючих, холодных снежинок.

Как же мне плохо!.. Тошнота отступает, но ее тут же сменяет кашель. Я сгибаюсь, опираясь на лопату. Движение отдается ломотой в спине, ребрах и шее. Кажется, что кашель

начинается в самой глубине тела и не в легких, а в судорожно сжатом желудке. Господи, словно перемололи всего, потом вывернули наизнанку и выплеснули наружу все теплое и живое. Сейчас бы стакан кофе, сигарету, а потом нырнуть под толстое одеяло и ни о чем не думать. Ни-о-чем! Чтобы слабость вдруг стала сладкой истомой, а не ноющей болью... Чтобы я смог отшатнуться и послать куда подальше эту темную метель... «И чтобы лампа на столе загорелась...»

Я, наконец, справляюсь с кашлем, и думаю, откуда вдруг взялась «лампа на столе». Кажется, это из «Мастера и Маргариты» Булгакова... Из просьбы Маргариты к Воланду.

Принимаюсь за работу. Первым делом освобождаю от снега крохотный пятачок на площадке возле двери. Потом провожу лопатой черту вдоль – рву снежное «одеяло» надвое. Начало положено. Я как старый, заржавевший робот с потухшими лампочками-глазами – каждое усилие дается с трудом, а машинная программа, не та, что в опустевшей голове, а та, что на уровне живота, выдает только одно: надо, надо, надо!.. Надо чистить снег.

Полностью закончив с верхней площадкой перед дверью, я принимаюсь за порожки. Стоя на верхнем, очищаю тот, что ниже. Сначала сгребаю снег налево, потом – направо. Три метра туда, три – сюда. Но снега слишком много и мне приходится делать не один заход, а два или даже три, подчищая остатки. И только потом я спускаюсь на ступеньку ниже.

Надо, надо, надо!.. «Надо» – это смысл всего сущего и

единственная ниточка, которая связывает меня с реальностью. Я вижу снег и понимаю только то, что его нужно чистить. Больше ни о чем не нужно думать и вспоминать. Даже о лампе в зеленом абажуре.

Изнутри, пытаясь заполнить собой пустоту, снова выплывает почти неслышимое: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного...»

Слова молитвы врублены в память, как в холодный, оледеневший гранит. Но я не прошу Бога. Просят тогда, когда чего-то хотят...

А чего хочу я?

Кофе и сигарету.

Теплоты и покоя.

А еще я знаю, что все можно перетерпеть: холод, снег, болезнь и даже первозданный, снежный хаос. Такое уже было. Нужно просто сжать зубы и работать. Это все!.. Это – истина. Она сиюминутна, но кроме нее ничего нет. И, наверное, поэтому так тихо, едва слышимым шепотом у самых губ, звучит молитва.

Вы-жи-ва-ние... К моему теперешнему положению и состоянию подходит именно это слово – выживание. Оно кажется мне неприятным, потому что похоже на «выжимание». Сильные руки могут легко выжать мокрую губку, бросить ее на кухонный стол и она впитает в себя ту влагу, на которую упадет. Я сейчас и сам такой – губка, наполненная чем-то неопределенным: случайными мыслями, вынужденными

движениями, терпением...

Снова тошнит. На секунду останавливаюсь и понимаю, что вспотел. Что-то слишком уж быстро. Наверное, опять поднимается температура. Влажное лицо до боли остро чувствует холод и уколы снежинок.

«Разозлись!..» Нет, это не мысль и не команда самому себе, а, скорее, очередная жалкая попытка заполнить болезненную пустоту внутри.

Лопата врезается в снег. Сгребая вяло ненавидимое, белое и рыхлое налево, потом направо... Снова налево и направо. Пятый порожек, шестой... Девятый. Злость гаснет без следа. Для нее нет причины, потому что невозможно ненавидеть снег. Вокруг меня безразличное белое море, местами заляпанное, а местами перерезанное как проводами, тенями черного. Этот мир слишком огромен для выдавленной через силу злости.

«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного...»

Кофе и сигарету...

Теплоты и покоя...

Молитва звучит как эхо... Эхо чего? Не природа, а человеческая сущность не терпит пустоты. Обращенные – нет, не к Богу, а в пустоту! – слова единственное, что дается мне без усилия. Да, я молюсь... Но во мне нет веры. Нет ни капли. Я просто тупо и бездумно повторяю слова погасшей еще там, у двери храма, молитвы. На что я надеюсь? На то, что

я знаю, а я знаю лишь то, что все можно перетерпеть. Мне только не на что опереться... Хотя бы на миг. И что-то сжатое холодом внутри меня раз за разом пытается опереться на молитву, которой я разучился верить. Она сильнее, чем придуманная ненависть к снегу, но такая же крошечная, как пар от дыхания изо рта.

«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного...»

Когда что-то пишешь в «ворде», можно легко скопировать фразу – выделил и скопировал. А потом, нажимая на кнопку «мышки», ее можно повторить хоть тысячу раз. Сейчас я делаю примерно то же самое – бездумно копирую фразу. Возможно, в церковном тепле и перед иконой это имело какой-то смысл, но сейчас?..

Лопата скребет снег... Налево и направо. Это мой мир, он узкий, не более шести метров, ребристый и ведет в низ. А внизу такие огромные сугробы, что кажется мне придется рыть в них нору.

Вдруг всплывает нелепая мысль: я умру сейчас, да?.. Улыбаюсь одними губами: с чего это вдруг? Темнота внутри заметно оживает. Она говорит: ты умрешь, потому что в тебе нет страха смерти, а значит, ты незащищен. Сейчас ты можешь взлететь в небо или шагнуть в бездну и совсем не удивишься и не испугаешься этому. В тебе нет ничего, кроме меня, – темной пустоты – понимаешь? Ты уже часть меня здесь, а может быть уже там, за забором, в мешанине из га-

ражей между холодных стен, похожих на могильные плиты.

Вздрагиваю... Чушь, бред! Снег ссыпается с лопаты, и нижний порожек сравнивается с верхним. А черт!.. Уснул в хомуте, да? Греби снег, греби! Все пройдет. И это утро, похожее на ночь, и хмурый день, похожий на вечер и длинная-длинная ночь, спасти от которой может только сон.

Приходит ощущение жажды... Нет, пить не хочется – сейчас меня просто стошнило бы от воды – но жажда так же реальна, как и пустота. Это жажда слов. Человек не может ни о чем не думать.

Я думаю *слова*: «Все пройдет».

Напираю на лопату: давай, давай!..

Я понимаю только *слова*: «Все пройдет и это тоже...»

Темнота смеется. Все пройдет, Алеша, все... Как там в кинокомедии? «Все пройдет, и я тоже пойду». Смешно, да?..

Нет! Уйди, прошу тебя!..

Я поднимаю лопату и переваливаю гору снега за каменные перила. Смешно совсем другое – спорить ни о чем с придуманной пустотой и медленно сходить с ума.

Лопата снова врезается в снег. Пустота спрашивает: а почему ни о чем, Алеша? Ведь ты уже боишься, а страх – соль пустоты. Понимаешь, глупенький, я, сама по себе не имею вкуса, как не имеет его яд, а значит, я могу заполнить собой все, и ты даже не почувствуешь этого. Неужели ты думаешь, что этому может помешать твоя жалкая молитва, в силу которой ты разучился верить?..

Обрываю мысль. Я рисую слова на темной пустоте: Господи... Иисусе Христе... и читаю их. Я словно разрываю пальцами черную бумагу, и в ее разрывах светятся буквы: ...Сын Божий... помилуй... меня... грешного.

Легче... Становится чуть легче, но мне нельзя останавливаться. Нужно работать дальше.

Через двадцать минут порожки очищены. Я сую в рот сигарету и торопливыми, жадными затяжками пытаюсь заглушить никотиновую тоску. Разгоряченное лицо уже не чувствует холода, а желудок не сводят спазмы. Я смотрю на падающий снег. Он стал реже, а ветер чуть тише. Ночь все-таки уходит.

Табачный дым раздражает легкие до кашля. Кашель тяжелый и булькающий, как кипящая смола. Плохо, плохо!.. Мотаю головой. Ладно, успокойся, ты же сам говорил, что все пройдет. Наконец, справляюсь с кашлем, выпрямляюсь и вытираю рот.

Человек так устроен – он верит, в то, что, как ему кажется, обязательно будет. Когда будет?.. Потом, позже. А сейчас я стою один в черно-белом и неживом вакууме.

Оглядываюсь по сторонам и думаю о том, что если в пустоте найти точку опоры, она перестает быть пустотой. Дому нужен фундамент, а человеку – земля под ногами. Но когда ты остаешься один, ты можешь найти опору только в словах. А что такое слова?.. Они – либо бессильный снег, который

легко поддается лопате, либо они вдруг превращаются в острые, рвущие плоть гвозди.

Темнота внутри смеется, она пытается что-то сказать, и я обрываю ее болезненным криком:

«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного!»

Я уже не рисую слова на тьме, потому что понимаю, что моя молитва, это только страх... Низкий и звериный страх. Желание выжить и вера на животном уровне.

Гашу окурок в снегу, кладу его в полиэтиленовый пакет, а сам пакет сую в карман куртки. Ладно, хватит, заниматься философским самокопанием. Кто я?.. Церковный сторож, а не психолог и уж тем более не психопат. Ты только сторож, Алеша, пусть и простуженный до самого желудка. Ну, температура... Ну, переел вчера аспирина, а поэтому и тошнит... Ну, выпал снег. Что еще?.. А ничего кроме физической слабости и бардака в голове. Но любой бардак это только отсутствие здравого смысла. Кстати, а особенно глупо то, как ты поймал простуду. Помнишь?.. Ты забыл закрыть форточку, сидел за компьютером и сочинительствовал. Когда жена вошла в комнату, она закричала, что я сошел с ума, и бросилась к окну. Кстати, а что я писал?..

Вопрос остается без ответа – физические усилия останавливают движение мысли. Теперь нужно проложить дорожку справа от храма. Там почти никто не ходит, но там – котельная. Иногда, и особенно в сильные морозы, котел гаснет –

перемерзает газовый стояк на улице. До котельной метров пятнадцать и еще столько же до газового стояка огороженно-го решеткой. Тут снег плотнее и тяжелее. Когда я пробиваюсь через очередную застывшую «волну», ее высота достигает колен.

Давай, давай!..

«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного!..»

И тут же: главное, не думай больше ни о чем, баран. Не думай, чисти снег и молчи.

Смешно, честное слово!.. Во мне все перемешано: молчание и крик; ненависть к пропитанной потом, прилипшей к спине майке и жажда найти хоть какой-то смысл в ускользающих словах; отторжение ночи и понимание, что я, помимо своей воли, верю только в эту ночь, потому что вокруг, и во мне самом, больше ничего нет. Я верю в ночь почти тем же животным чутьем, что и в слова молитвы.

Да, это только выживание и не более того. Если долго держать руки на морозе и войти в теплый дом, руки не будут чувствовать тепла. Наверное, я сейчас такой же... Я не верю, что меня может согреть молитва. Меня согревает холодный, неподвижный снег, в который я раз за разом с силой вгоняю лопату.

«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного!..»

После того, как дорожка к котельной расчищена, я сбива-

юсь с пути и сильно забираю в сторону. Газовый стояк левее. Стоп!.. Вытираю со лба пот и оглядываюсь по сторонам. Я не столько думаю о том, как выпрямить тропинку к стояку, сколько пытаюсь вспомнить, а что же все-таки я писал позавчера?..

Усмехаюсь: может, хватит, а? Лопата погружается в снег. Да я и в самом деле не помню, что писал... Кажется, начал какой-то рассказ. Но какой? Невозможно сосредоточиться. Для этого нужно остановиться, воткнуть лопату в снег, но нельзя... Я уже не помню, почему мне нельзя останавливаться, но знаю это совершенно точно. Такое ощущение, что закручивается спираль. Не к добру это...

Ветер справа, а значит и снег нужно бросать в ту же сторону. То есть навстречу ветру. Тогда будет хоть какая-то защита от метели и дорожку занесет не так быстро. Направо... Право и лево. Добро и зло. Где они сейчас, когда внутри нет ничего кроме пустоты?

Чтобы бросать снег направо мне приходится разворачиваться всем телом, а это не очень удобно. Кроме того, в лицо бьет ветер. Лопата с силой натывается на вмерзший в лед кирпич. Мне кажется, что я слышу треск пластика. «Ах, ты ж!..» Поднимаю и осматриваю лопату. Цела. Нет ни радости, ни злости. «Цела» – это только констатация факта. Примерно такая же, как «ночь», «болезнь» и «снег».

Я все-таки пинаю кирпич ногой. Сволочь, притаился тут!.. Кирпич намертво вмерз в окаменевшую лужу. А я стою на

лду. Я хорошо знаю эту лужу. Она возникает сразу после дождя или оттепели и топит все от котельной до стояка.

На всякий случай я пробую рукой пластмассовое полотно лопаты. Оно упруго, без треска, пружинит. «Повезло...» Кстати, недавно узнал, что часть лопаты, которая соединяет полотно и черенок называется тулейка. Смешное слово! Тулейка. Детское, какое-то...

Я оглядываюсь и смотрю две пятиэтажки напротив главного входа в храм. В их окнах нет света и строчки из точек темны, а сами пятиэтажки торчат как два тупых зуба в черно-белой пасти. Сегодня суббота и люди встанут поздно. Часа через три, не раньше... Я отгорожен от них временем, которое крепче любой двери. Именно так... Иногда время сильнее любого физического препятствия и даже пространства. Оно — замок со вставленным внутрь ключом, но этот ключ поворачивается слишком медленно и его движение не зависит от твоего усилия.

Отворачиваюсь от пятиэтажек и прикидываю расстояние до самодельных железных решеток, ограждающих стояк. До них еще метров шесть... Последняя снежная волна поднимается едва ли не до половины решетки.

«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного!»

Снимаю перчатки и растираю лицо снегом. Рассказ... Какой же я писал рассказ?

Усмехаюсь... Да, я животное, Господи. Я простое и от-

кровенное животное, которое умеет думать, но которое не умеет прекращать этот вдруг ставший страшным и лживым процесс. Мне хочется по-настоящему только одного: теплоты и покоя. И больше ничего, понимаешь, Господи? Прости меня, пожалуйста. Что я могу и что я умею сейчас? Только бездумно чистить снег. И я совсем не думаю о том, что я – писатель! – расчищаю для людей дорогу к храму. К газовому стояку я расчищаю, а не к храму... И в моей работе нет ни красоты, ни смысла. Она – только набор вынужденных движений. Она – только «надо» и ничего больше. Рано или поздно лед, на котором сейчас я стою, снова превратится в теплую лужу, а вода уйдет в землю. Все проходит без следа, Господи... Или все-таки нет?.. Потому что если «да», то снова наступает пустота и одиночество, и никогда-никогда-никогда не кончается ночь.

Лопата врезается в снег. Снег успел слежаться, и похож по плотности на опилки. Я с трудом поднимаю отяжелевшую лопату, чтобы перевалить ее через бурт, насыпанный рядом с тропинкой.

«Давай, давай!...»

«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного!...»

Снег, проклятый снег!.. Впрочем, лопата значительно легче скользит по льду и глубже погружается в сугроб. Потому она и такая тяжелая...

Поднимая в очередной раз лопату с грудой снега, я по-

скальзываюсь на льду. За долю секунды я успеваю понять, что, во-первых, падаю на спину, а, во-вторых, после вмерзшего в лед кирпича я сделал всего три небольших шага и это расстояние примерно равно моему росту. А кирпич – не подушка, на которую приятно упасть затылком. Время замирает... Нет! Оно умирает, и я вишу в пустоте.

01. Мысли. Схватка ветряными мельницами.

Я хотел бы поговорить только о литературе. Не стоит заманиваться пусть даже наполненной до краев кружкой на океан или, измеряя сантиметром тень облаков на земле, судить о том, как скоро будет дождь. Человек может понять только то, что он любит. Я люблю литературу. Вместе с тем, отлично известно, что бескорыстная любовь неуправляема, и довольно часто она принимает откровенно чудаковатые формы. И особенно, когда наступает творческий кризис. Сейчас, в данную минуту, я не могу существовать в *поле литературы*, но, находясь за ним (не хочется говорить высокомерное *над ним*), мне кажется (мерещится, мнится?), что я все-таки смогу взглянуть на это *поле* сверху.

Я хочу начать с того, что плохо понимаю слово «*духовность*». Нет, я не собираюсь спорить с православным «Символом Веры» или утверждать, что не существует духовного мира человека. Все гораздо проще, я говорю о том, что... Впрочем, нет... если быть честным до конца, то речь идет

не столько о непонимании самых разных *общечеловеческих* определений *духовности*, сколько о том, что эти определения попросту не умещаются внутри меня. А попытки втиснуть их с помощью некоей логики похожи на вторжение чего-то откровенно враждебного.

Мне не нравится, что *духовное*, превратившись в существительное *духовность*, вдруг обрело материальную, поддающуюся изучению и определению *плоть*. Мне не нравится всеядность и автономность определений *духовности*. Они закончены, изящны и научны по форме, но обесмысленны по содержанию.

Я – только писатель. И я не могу создать текста со словом *духовность*. Потому что оно – не литературное слово, а философская, научная категория. Попробуйте найти слово *духовность* в «Войне и мире» Льва Толстого, «Мастере и Маргарите» Булгакова, «Бесах» Достоевского, «Мертвых душах» Гоголя, в «Вишневом саде» Чехова или в словаре Даля, составленном в середине XIX века. Там ее нет. У Владимира Ивановича Даля вы найдете «Дух» и никаких производных существительных от него.

Словари довольно странно относятся к слову *духовность*. Вот словарь Ушакова: «Духовность, духовности, мн. нет, ж. (книжн. устар.). отрешенность от низменных, грубо чувственных интересов, стремление к внутреннему совершенствованию, высоте духа (в 1 знач.)».

Здесь стоило бы удивиться: как это «книж. устар.»? Когда

же *духовность* успела устареть, если у Даля этого слова нет?

А-а-а!.. Вот почему: четыре тома «Толкового словаря русского языка» Дмитрия Николаевича Ушакова вышли в 1935 – 1940 году. Вне сомнения, что *духовность* устарела сразу после Октябрьской революции 1917 года. Хотя в пояснении к прилагательному «духовный» у Ушакова есть такая фраза: «кто дал контрреволюционной буржуазии *духовное* оружие против большевизма в виде тезиса о невозможности построения социализма в нашей стране? (троцкизм). Сталин».

«Духовное оружие» тут звучит едва ли не как синоним *духовности*. Тут любопытно еще и то, что, сочтя возможным строительство социализма в одной стране, Иосиф Виссарионович поставил во главу идеологического угла именно «стремление к внутреннему совершенству и высоте духа» народа. *Всего народа*. Те, кто не хотел понять этот новый дух – вычитались из народа за ненужность. Ведь если в определении *духовности* Ушакова, она, пусть как «книж. устар.» все-таки говорит о человеке, как личности, то Сталина интересовал только весь народ целиком, как масса. Можно предположить, что именно так идеология рождает свою младшую сестру – идеологическое искусство. И даже «отрешенность от низменных, грубо чувственных интересов» легко уместилась в плане строительства сталинского социализма. Замените «низменных» на «материальных» и получится работа в колхозе за гроши.

Возьмем следующий словарь – Ожегова: «Духовность -

и, ж. свойство души, состоящее в преобладании духовных, нравственных и интеллектуальных интересов над материальными».

Здесь вдруг вместо «отрешенности» (видимо автор счел ее слишком пассивной) появляются «нравственные и интеллектуальные интересы». Если учесть, что С.И. Ожегов, бывший одним из основных авторов «Толкового словаря русского языка» Д. Н. Ушакова, выпустил свой первый словарь в 1949 году, то откуда там – снова при Сталине! – могли взяться такие «интересы»?

Снова покопаемся в справках. При жизни С. И. Ожегова вышли шесть изданий словаря, дополненных и исправленных. А последний (ставший 4-хтомником) уже в 90-х годах под редакцией Л.И. Скворцова.

Я никогда не держал в руках словарь Ожегова 1949 года, но смею предположить, что изначально в определении *духовности* «нравственных и интеллектуальных интересов» там все-таки не было. Они наверняка появились позже, во время «хрущевской оттепели». Тогда все встает на свои места, учитывая отношение Н.С. Хрущева к Православной Церкви, когда вместе с храмами разрушались и слова. Но хрущевский «чистый ленинизм» оказался всего лишь бульдозером в «белых одеждах» с минимумом духовного горючего в идеологических баках. Ленинизм – кровавая практика революции – в конце концов, не мог не заглухнуть, а на прощание одолжил свои «одежды», (а может быть саван) и искореженные

слова диссидентству выросшему из «шестидесятничества». Именно так активные «интересы» заменили пассивную «отрешенность».

Можно взглянуть в БСЭ (Большая Советская Энциклопедия). Никаких определений духовность там нет. Но неведомо какими путями в энциклопедию пробралась вот эта статья:

«МИННЕ ЖОРЖ

Минн (Minne) Жорж (30.8.1866, Гент, – 18.2.1941, Синт-Мартенс-Латем, близ Гента), скульптор... виднейший представитель символизма и «модерна» в бельгийском искусстве. М. обращался к традициям средневековой скульптуры; подчёркивая напряжённую *духовность* своих образов, придавая изломанность формам, предвосхитил появление бельгийского экспрессионизма...»

Опаньки, экспрессионизм, духовность и «изломанность форм»!.. Последнее звучит примерно как пластичность вывертывания наизнанку.

Третье (последнее) издание БСЭ выходило в свет с 1969 по 1978 год. А-а-а, эпоха застоя, пустеющие магазины и «наш дорогой Леонид Ильич Брежнев»!.. До *духовности* ли было тогда? Падающий и постоянно нуждающийся в повышении «духовный уровень комсомольцев» не в счет. Чем, а, главное, зачем его можно было измерить?

Помню, сидел в институтской библиотеке и конспектировал работы В.И. Ленина: смотришь на номера страниц, за-

писанные на лекции, и переписываешь в конспект цитаты из ленинского тома. Нужные студентам страницы тома за много лет истрепались до состояния промокашки. Когда работа над конспектом была закончена, я решил полистать и посмотреть, что еще писал Ленин. И вдруг увидел, что большинство страниц просто не были разрезаны. Их никто никогда не читал.

Чуть позже М.С. Горбачев все-таки попытался вытащить на свет Божий *духовность* в виде «социализма с человеческим лицом». Но проиграл диссидентской, куда более опытной *духовности* набравшейся опыта и слов с новыми смыслами на фронте борьбы с «тоталитаризмом». Я хорошо помню, как *духовно-кухонные интересы* переросли в идеологию, не менее страшную, чем сталинская. Главное было погромче крикнуть в телевизоре и газетах. Вы смеете возражать?.. Да мы бежали перед немцами в сорок первом по сто километров в день!.. Да мы угробили сто пятьдесят миллионов крестьян в Сибири! Вам мало?.. Ну, тогда мы «можем исчо». Во имя побеждающей новой *духовности*, мы придумаем новые цифры и факты, мы перевернем все с ног на голову, но мы заставим вас верить и «голосовать сердцем».

Не знаю как «за бугром», но наш российский лакей, укравший барские сапоги, способен на нечто совестливое разве что у Федора Достоевского. Когда Советская Власть на прощание вильнула хвостиком, и дело дошло до дележа государственных закровов, *духовность*, казалось бы, всегда

преобладающая над материальным вдруг нырнула в грязную политику, и – черт бы ее побрал! – наилегчайшим образом превратилась в силу, наглость и прожженный материальный интерес. С рухнувшей и обвиненной во всех смертных грехах страной можно было делать все, что угодно... Главное было сделано раньше. Приговор новой *духовности* – «эта страна не имеет права на жизнь», – пересмотру уже не подлежал. В России рождалась новая элита на старых дрожжах. Она расставляла все на свои места: слова имели право быть только словами, а деньги – большими, решающими все, капиталами.

Я встаю из-за стола и отхожу к окну. Закуриваю и смотрю на облачко дыма... Наверное, из меня получится плохой теоретический исследователь. Я всегда подозревал, что теоретик, заранее зная конечную цель своей теории, пытается выстроить логическую цепочку доказательств некоей системы. То есть клетки из слов. Смешно, честное слово!.. Но именно клетки. Сиди в ней и чирикай, философ.

Где-то слышал, что даже самое простое слово может иметь целый *куст* понятий. Но для меня эти понятия только оттенки слова и я всегда пользуюсь ими интуитивно. Художник не может рассуждать о смысле отдельно взятого голубого или красного цвета. Художник всегда враг системы логических доказательств.

Но я – не философ, а только художник! – все-таки спрошу,

а как давно началась эта каша с *духовностью*? На мой простецкий взгляд – давным-давно, то есть сразу за райскими воротами. Она продолжается до сих пор и этому поистине дьявольскому вареву никогда не будет конца.

Упрощенно эту мысль можно понять из двух текстов.

Вот первый:

«Страшная резня ознаменовала первые часы и дни после взятия Иерусалима. Сарацин кололи на улицах, в домах, в храмах, сбрасывали со стен и башен, не щадя ни женщин, ни детей. Город наполнился стонами и воплями жертв; мстители носились по улицам, попирая трупы ногами, обгаженными кровью, и выискивали, где могли укрыться ищущие спасения. По словам историка, число жертв, заколотых мечом, намного превзошло число победителей.

Краткий перерыв в убийствах обозначило благочестие... Готфрид Бульонский первым из князей подал пример благочестия. Безоружный и босой, направился он в церковь Гроба Господня; за ним, скинув окровавленные одежды, последовали другие, наполняя храм рыданиями и покаянными молитвами, обнаруживая столь сильную и горячую набожность, что трудно было поверить, будто именно эти люди несколько часов назад топили город в крови стариков и младенцев».

Жозеф-Франсуа Мишо, «История крестовых походов»

Вот второй текст:

«ДУХОВНОСТЬ – высшие стороны внутреннего мира, которые проявляются в человечности, сердечности, доброте, искренности, теплоте, открытости для других людей. Духовность основывается на широте взглядов, эрудиции, культуре, общем развитии личности. Потеря духовности равнозначна потере человечности. Длительный кризис духовности у отдельной личности ведет к ее деградации. Духовность несовместима с черствостью, эгоизмом, ориентацией на материальные выгоды...» «Психотесты Ру»

Короче говоря, я могу понять испуганное человечество. Религиозность, лишенная *человечности, сердечности, доброты* и т.д. может быть ужасна. И за примерами не стоит ходить так далеко, в средневековье. Включите телевизор, и сегодняшние примеры из Сирии окажутся у вас перед глазами.

Да, религиозное варварство существует. И хотя бы потому что «дьявол – обезьяна Господа Бога». Подхватить идею и довести ее до идиотизма старый как мир способ ведения борьбы.

Но христианство – не идея и уж тем более не идеологическое поле, куда его так усиленно пытаются сейчас втиснуть. Идеология, «как совокупность норм, принципов и правил» материальна уже потому что эти нормы и правила «устанавливают и регулируют отношения внутри сферы общественного производств и потребления».

Но именно так – идеологически – думали и поступали товарищ Сталин во времена коллективизации 30-х годов двадцатого века и другой «товарищ» – папа Урбан II на Клермонском соборе в Оверни в ноябре 1095 года. Первому была нужна «страна победившего социализма» и скорейшая индустриализация, а второму – укрепление христианства перед лицом общего врага и «Царство Христа на земле» в Иерусалиме. Нужна была *вера*. А когда верят, то голосуют сердцем с результатом 99%. Как говорили в Оверни, «этого хочет Бог», а в Москве – «так сказал товарищ Сталин».

И они получили *веру*. Веру, основанную на ими же созданной новой, автономной и острой как копье римского легионера *духовности*. Что было дальше хорошо известно: страна «победившего социализма» простояла чуть больше семидесяти лет, а крестовые походы потеряли свою силу примерно через сто двадцать, хотя формально продолжались вдвое больше.

Идеология – смертна. Ставшая *духовностью*, то есть плотью, поддающейся изучению, а значит и изменению, она рано или поздно побеждается другой идеологией.

Какой?.. Той, которую создал кто-то поумнее человеческого гения.

Это война? Нет, это *игра*. И *игра* не только потому, что нет никакой принципиальной разницы между определением духовности как «отрешенности» и «преобладания» или как «человечности, сердечности и доброты». Когда изобретен-

ная очередная *духовность* рушится в политику и идеологию, выигрывает не тот, кто хорошо играет, а тот, кто создает правила игры. Важно только одно, чтобы *духовность* была только «собственным стремлением человека» (С. Соловейчик). А некоего бога, полубога товарища Сталина, демократию и права человека можно присобачить и потом, поверху вбитых в человеческие головы стремлений.

Игра! Есть старая поговорка: хочешь рассмешить Господа Бога – расскажи ему о своих планах. Здесь можно добавить, а если хочешь рассмешить Бога еще больше – расскажи Ему о своих стремлениях.

Игра в самосовершенствование, нравственность и доброту внутри человека лишённого истинного Бога всегда делала и будет делать человека идеальной, политической и социальной игрушкой в «сфере общественного производства и потребления». Ты главное жуй!.. Потребляй. Кто больше сожрет – тот и выиграл, а значит и более счастлив.

Однажды я писал легкий и смешной рассказ и вдруг споткнулся на неизвестно откуда пришедшей фразе «Бог прекращает игру».

Наверное, сначала я растерялся... А когда попытался вставить неожиданную фразу в рассказ, текст вдруг приобрел совершенно иные нотки. Чуть позже на смену растерянности пришло удивление, когда я обнаружил, что «Бог прекращает игру» можно вставить рядом с едва ли не любым предложением во второй части моего рассказа. В сущности,

эта фраза была *вне текста*, и я как никогда ясно вдруг понял, что Бог прекращает *любую* игру, в том числе и авторскую.

Улыбнусь: ах, ты, бедный, потерянный писатель!.. Я вдруг нашел фразу, которая оказалась значительно больше меня самого. Да, тогда я уже знал, что смешное и трагическое – неразделимы. Хочешь написать что-то смешное? Чтобы твой текст не выродился в пошлость постарайся найди в нем крохотную нотку трагедии. Хочешь написать трагедию? Чтобы твой текст не стал похож на зубную боль, постарайся найти в нем микроскопическое зернышко смешного. В сущности, это очень часто похоже игру... Но фраза «Бог прекращает игру» – Бог! – прекратил и ее.

Помню, я сидел растерянный и не знал что делать... И я так и не закончил тот рассказ.

Я стою у окна и смотрю на падающий снег. Закуриваю вторую сигарету и тру лоб тыльной стороной ладони. Тогда... Попытайся вспомнить! Тогда, когда ты поскользнулся возле котельной и вдруг понял, что упадешь на спину, что ты вскрикнул? Неужели что-нибудь о своем стремлении быть более нравственным или нечто героическое типа «и все-таки она вертится»? Разумеется, нет. Хотя Земля действительно вертелась. Она уходила мне за спину, но маловероятно, что в тот момент меня интересовали астрономические познания. Допустим, если человек падает возле книжного шка-

фа, ему разумнее (разумнее на уровне инстинкта самосохранения) ухватиться не за книгу, а за сам шкаф. За что-то несоизмеримо более и устойчивое, чем сам человек.

Так что же я вскрикнул и за что пытался «уцепиться»?..

Лоб под ладонью становится горячим. Я вдруг вспоминаю определение интеграла: «упрощённо интеграл можно представить себе как аналог суммы для бесконечного числа бесконечно малых слагаемых». Почему я вдруг вспомнил об интеграле?.. Потому что там, у котельной, я вскрикнул что-то бесконечно малое. Именно малое, а не весь «аналог суммы», ведь у меня не было времени на всю сумму. На пороге смерти я выкрикнул очень маленькое *духовное, свое*, а не огромную *духовность*, которую сумели в меня напихать за долгие годы.

Удивительно, но длинные философские рассуждения и определения боятся времени, потому что дефицит времени может изуродовать их смысл. А это уже нехорошо. Уважаемое рассуждение-определение, изволь быть честным всегда! И как бы не делило тебя время, то есть, как бы оно не укорачивало возможность твоего понимания, – например, я был ли хозяином своего времени, когда падал? – ты не имеешь права терять своего первоначального смысла.

Например, природа так и поступает... По крайней мере, по отношению к живому. Это легко доказать. Возьмем лягушку. Самую простую (и ради гуманизма!) не живую лягушку. Отрежем от нее кусочек. Как будет называться этот кусочек? Допустим, лапка. Но чья это лапка? Лягушки. То

есть природа кусочка не изменилась. Отрежем от несчастной лапки гораздо меньший кусочек. Как будет называться он? Думаю, в силу своей крошечности и уже неопределенности формы его можно будет назвать биологическим материалом. Но чей это материал? Упрямая природа подсказывает: лягушки. Отрежем еще, совсем-совсем крохотную часть – одну живую клетку. Как она будет называться?.. Так и будет – клетка. Клетка лягушки.

Лягушку можно резать и дальше, до ниточек ДНК, но и это будет ДНК лягушки. До атомов кромсать не будем. И не потому что атомов лягушки не существует, а потому что мы все-таки говорим о мире состоящим из слов, а не из букв.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.